

Н. А. Гредескул

Марксизм и идеализм

Публичная лекция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. А. Гредескул**
Марксизм и идеализм: Публичная лекция / Н. А. Гредескул – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 44 с.

ISBN 978-5-517-96813-5

ISBN 978-5-517-96813-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вашей памяти нѣкоторыя его основныя положенія. Марксизмъ, какъ общее и философское міровоззрѣніе, какъ особый взглядъ на человѣческую жизнь и исторію, возникъ потому, что основатель его Марксъ, будучи первокласснымъ изслѣдователемъ въ области хозяйственныхъ явленій и построая свои чисто-экономическія ученія, высказалъ нѣсколько положеній, далеко выходявшихъ за предѣлы одной экономической науки. Предметъ своихъ спеціальныхъ занятій — экономическую дѣятельность людей, экономическую структуру обществъ, — словомъ, то, что собирательно и совокупно именуется „экономическимъ факторомъ“, онъ противопоставилъ всѣмъ остальнымъ сторонамъ человѣческой и общественной жизни — наукѣ, морали, праву, религіи, искусству, государству, т.-е. такъ называемымъ „идейнымъ“ факторамъ исторіи, и высказалъ свое знаменитое положеніе о томъ, что въ основѣ историческаго движенія человѣчества лежитъ именно „экономическій“ факторъ, а все остальное есть не болѣе какъ „надстройка“ надъ экономикой, не играющая существенной роли и сама всецѣло опредѣляемая основнымъ двигателемъ.

Если бы эта мысль Маркса была выражена имъ въ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣлахъ, то съ ней почти что можно было бы согласиться: такъ много содержится въ ней справедливаго. Исторія есть человѣческая дѣятельность. Но чѣмъ стимулируется человѣческая дѣятельность? Хотя и сказано — и сказано справедливо — что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ, — тѣмъ не менѣе добываніе хлѣба насущнаго, для огромнаго большинства человѣчества, было и все еще остается главнымъ стимуломъ жизнедѣятельности. „Голодъ“, какъ таковой, и какъ символъ всѣхъ остальныхъ потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не можетъ поддерживать своего животнаго существованія, есть тотъ дѣятель, который игралъ и играетъ въ чело-

вѣческой жизни огромную роль. Забота о пропитаніи, одеждѣ, жилищѣ и пр. — вотъ ежедневная и главная забота человѣческихъ массъ, а если только это вѣрно, то, конечно, мы должны будемъ согласиться, что и та дѣятельность, которая вытекаетъ изъ этой заботы вмѣстѣ съ организующей ее „структурой“, т.-е. то, что именуется „экономическимъ факторомъ“, играло и играетъ въ исторіи первостепенную роль. Съ этой точки зрѣнія „экономическій“ взглядъ на исторію надо поставить безконечно выше тѣхъ системъ, которыя излагаютъ исторію какъ цѣпь политическихъ событій или даже какъ смѣну политическихъ формъ. Внесеніе этого взгляда въ философію исторіи есть несомнѣнная и крупная заслуга Маркса, и нечего удивляться тому, что нашлись историки, которые пытались объяснять и излагать исторію съ точки зрѣнія преобладающей роли въ ней экономическаго фактора (напр., Лампрехтъ).

Итакъ, можно и должно согласиться съ важностью и даже съ первостепенной важностью экономическаго фактора въ исторіи человѣчества.

Однако Марксъ не ограничился тѣмъ, чтобы только отмѣтить эту важность. Сопоставивъ экономическій факторъ съ „идейными“, онъ, какъ мы уже сказали, призналъ полную *зависимость* вторыхъ отъ перваго. „Способомъ производства матеріальной жизни обуславливается социальный, политическій и духовный процессъ жизни“, говорилъ онъ еще въ предисловіи къ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“.

Но и на этомъ утвержденіи не остановилась увлеченная экономическимъ факторомъ мысль Маркса: онъ шагнулъ изъ философіи исторіи въ философію вообще и выставилъ положеніе, которое заставило характеризовать его систему какъ *материалистическую*, дало ей имя такъ называемаго экономическаго или историческаго *материализма*. Вслѣдъ за приведенной уже нами цитатой, въ томъ же предисловіи къ „Zur Kritik“, онъ

говорить: „Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание“. Вот это и есть формула так называемого материалистического воззрѣнія на исторію, родоначальникомъ котораго является Карлъ Марксъ.

Подняться отъ частныхъ фактовъ къ общимъ положеніямъ и дать этимъ послѣднимъ высшее философское обоснованіе—это перспектива, всегда заманчивая для крупнаго ума, въ какой бы области онъ ни работалъ. И если Марксъ не удержался въ границахъ чистой экономической науки, если онъ поднялся до общаго взгляда на исторію, а этотъ послѣдній обосновалъ на всеобъемлющемъ философскомъ положеніи, то все это служить только лучшимъ доказательствомъ того, что онъ былъ не только первокласснымъ экономистомъ, но и выдающимся мыслителемъ. Но, отдавая должную дань размѣрамъ и заслугамъ этой головы, мы все же не можемъ согласиться съ его философіей.

Дѣйствительно ли бытие определяет собою сознание? Дѣйствительно ли психика человѣческая и даже животная формуется внѣшнимъ бытіемъ, а не наоборотъ—не она формуетъ это внѣшнее бытие и приспосабливаетъ его къ своимъ требованіямъ? Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что мы ставимъ здѣсь вопросъ не о *вліяніи* внѣшняго бытія на сознание и даже не о *зависимости* послѣдняго отъ перваго, а о самомъ процессѣ образованія и движенія сознания, и о томъ, самому ли сознанию, или бытію принадлежить здѣсь *активная* роль.

Несомнѣнно, что сознание находится въ большой зависимости отъ внѣшняго бытія, что оно, съ одной стороны, имъ стимулируется, а, съ другой—въ немъ же находитъ условія и границы для своей дѣятельности; но когда сознание такъ или иначе, подъ тѣми или иными вліяніями, образуется, определяется, то—мы спрашиваемъ—есть ли это *самоопредѣленіе*, или опредѣле-

ніе *извѣтъ*? На этотъ основной вопросъ жизни духа мы должны дать отвѣтъ, какъ разъ обратный отвѣту Маркса: это есть всегда самоопредѣленіе, трансформация духа, въ которой движущимъ началомъ является самъ же духъ, ибо природа его активная, а не пассивная. Психологи говорятъ намъ, что въ основѣ нашего духа лежитъ *воля*, т.-е. активное начало, психическая энергія, непрерывно дѣйствующая для достиженія своихъ цѣлей, *Willen zum Leben* (воля къ жизни), по выраженію Шопенгауэра. Эта воля всегда бодрствуетъ и всегда дѣйствуетъ, — среди извѣстной внѣшней обстановки, подъ вліяніемъ и даже давленіемъ различныхъ стимуловъ,—но всегда самоопредѣляясь по своему внутреннему закону, въ согласіи со своей внутренней природой, для удовлетворенія своихъ внутреннихъ жизненныхъ цѣлей. И поэтому нѣтъ возможности считать сознание, какъ что-то пассивное, простымъ продуктомъ внѣшняго бытія, — нѣтъ, оно не продуктъ, а агентъ, и потому само въ себѣ несетъ главную причину своего движенія и своего преобразованія. И если ужъ противопологать сознание внѣшнему бытію, то приходится сказать—насколько мы можемъ судить объ этомъ своимъ человѣческимъ разумомъ—что, наоборотъ, внѣшнее бытіе, какъ нѣчто пассивное, или по крайней мѣрѣ менѣе активное, поддается воздѣйствію человѣческой и животной воли, формуется и опредѣляется послѣдней. Жизнь вовсе не есть, какъ это сказалъ Спенсеръ, только приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но и наоборотъ,—внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ, и чѣмъ дальше, чѣмъ сильнѣе и активнѣе становится духъ, тѣмъ покорнѣе склоняется предъ нимъ внѣшнее бытіе; тамъ же, гдѣ громоздкая инерція внѣшняго бытія оказывается не подъ силу духу, гдѣ она давитъ послѣдній и хочетъ заставить его самого покориться силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, тамъ гордый духъ предпочитаетъ, по выраженію Ницше,

„свободно умереть“, но все же не отказаться от своего собственного самоопредѣленія!

Итакъ, мы отвергаемъ основное философское положеніе Маркса, мы „сознаніе“ считаемъ преобладающимъ надъ „бытіемъ“, а не наоборотъ. Этимъ самымъ мы отвергаемъ въ корнѣ матеріалистическое воззрѣніе на исторію. Для насъ исторія есть арена дѣятельности духа, а не матеріи.

Однако, кажется, полезнѣе, опровергая экономическій матеріализмъ, колебать его не столько на самой его философской высотѣ, сколько значительно ниже,—именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ экономическомъ факторѣ. Мы уже согласились признать всю важность экономическаго фактора, но отказались приписывать ему роль *primum agens* всего того, что дѣлается въ исторіи. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ пунктѣ.

Какова природа самого экономическаго фактора,— есть ли это факторъ *матеріальный*, или *идейный*?

Поддѣлователи экономическаго матеріализма, безъ всякой критики и даже, повидимому, безъ всякихъ затрудненій рѣшаютъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, а, между тѣмъ, это совершенно невѣрно: экономическій факторъ есть такой же *идейный* факторъ исторіи, какъ и государство, право, наука, религія, искусство и пр. Въ самомъ дѣлѣ, взгляды поближе въ то, что именуется „экономическимъ факторомъ“. „Экономическій факторъ“ возникаетъ потому, что у человѣка есть „потребности“; дѣйствіе его сказывается въ томъ, что, усиливаясь удовлетворить свои потребности, человѣкъ воздѣйствуетъ на внѣшнюю природу и приспособляетъ ее къ своимъ нуждамъ, вырабатывая постепенно способы цѣлесообразнаго воздѣйствія, создавая технику и умѣнье. Результатомъ воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу изъ-за удовлетворенія его потребностей оказывается цѣлый рядъ матеріальныхъ перемѣнъ во

внѣшнемъ мірѣ, которыя заставляютъ этотъ міръ лучше служить человѣку. Наконецъ, такъ какъ человѣкъ живетъ обществомъ и въ обществѣ, то и удовлетвореніе имъ своихъ потребностей принимаетъ характеръ общественнаго процесса; этотъ общественный процессъ, какъ таковой, требуетъ дополнительныхъ измѣненій какъ въ поведеніи однообщественниковъ, такъ и въ ихъ характерахъ, а когда эти дополнительныя измѣненія даны и выработаны, то этотъ общественный процессъ принимаетъ характеръ грандіозной коопераціи, способной могущественно вторгаться во внѣшній міръ и производить въ немъ такія измѣненія, которыя дадутъ уже въ стократъ лучшее удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ, чѣмъ если бы экономическій процессъ велся каждымъ въ одиночку. Въ обществѣ получаются такимъ образомъ „производственныя отношенія“, т.-е. отношенія однообщественниковъ по поводу производства, и экономическая „структура“ общества.

Дали ли мы правильное описаніе „экономическаго фактора“? А если оно правильно, то неужели это факторъ матеріальный, а не психическій? Развѣ весь онъ не есть только сложное и дѣющееся усиленіе человѣческаго духа приспособить внѣшній міръ къ своимъ внутреннимъ требованіямъ? И если даже подъ этимъ факторомъ разумѣть не только участіе психики—воздѣйствіе человѣка на внѣшній міръ, но и участіе внѣшняго міра, т.-е. тѣ матеріальныя измѣненія, которыя въ немъ при этомъ происходятъ, то развѣ внѣшній міръ, матерія, не является здѣсь только точкой приложенія дѣйствія человѣческой психики, только простымъ и пассивнымъ объектомъ? Правда, когда человѣкъ или общество уже достигли извѣстныхъ экономическихъ результатовъ,—напр., обработали почву, накопили запасы продуктовъ, построили жилища, изобрѣли технику и пустили ее въ ходъ въ видѣ фабрикъ и заводовъ,—то это оказываетъ огромное обратное вліяніе и

на человѣческую психику, даетъ ей иные стимулы и иную обстановку для дѣятельности; но развѣ среди всей этой „мертвой“ обстановки „живымъ“ дѣятелемъ, какъ и съ самаго начала, является не тотъ же человѣческій духъ? Развѣ отъ того, что „обстановка“ для удовлетворенія потребностей измѣняется, самый процессъ ихъ удовлетворенія перестаетъ быть попрежнему усиленіемъ психики достигнуть желаемыхъ ею результатовъ? При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, просто недоумѣваешь, какъ можно было въ этомъ взаимодействіи человѣческой психики и внѣшняго матеріальнаго міра видѣть торжество и преобладаніе матеріи. Нигдѣ, можетъ быть, человѣческій духъ такъ наглядно и очевидно не торжествуетъ надъ матеріей, какъ именно въ хозяйственныхъ процессахъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ матерію дѣлаетъ своей послушной рабой. Когда мы смотримъ на птичье гнѣздо или муравьиную постройку, то намъ и въ голову не приходитъ видѣть въ нихъ торжество матеріи или матеріальный факторъ, хотя предъ нашими глазами и чисто матеріальные предметы. Но мы заглядываемъ дальше, за эти матеріальные предметы, и усматриваемъ то, что ихъ создало, — психическій факторъ, животный инстинктъ, — и мы удивляемся въ нихъ торжеству инстинкта. Почему же мы должны измѣнить эту точку зрѣнія при взглядѣ на человѣческій муравейникъ и его экономику? Развѣ эта экономика не представляетъ собою также продуктъ и торжество психики, но только уже не инстинктивной, а сознательной? Мы думаемъ, что иной взглядъ на этотъ предметъ совершенно невозможенъ, и признавать экономическій факторъ исторіи матеріальнымъ, а не психическимъ было бы столь же неосновательно, какъ и усматривать въ птичьемъ гнѣздѣ проявленіе и дѣйствіе матеріи, а не животнаго инстинкта.

Но если только признать экономическій факторъ пси-

хическимъ, а не матеріальнымъ, то дуализмъ изъ исторіи совершенно устраняется,—она вся становится ареною дѣйствія и проявленія психизма,—всѣ ея факторы: экономика, право, государство, наука, религія, искусство, оказываются факторами одной и той же природы,—и на мѣсто матеріализма въ объясненіи исторіи становится всецѣло и безъ остатка *психизмъ*.

Но замѣчательно: отвергнувъ матеріалистическое воззрѣніе на исторію и поставивши на его мѣсто воззрѣніе, прямо ему противоположное—психологическое, мы вновь получаемъ случай оцѣнить всю силу мысли основателя отвергнутаго нами воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы теперь спросимъ себя о взаимномъ соотношеніи различныхъ факторовъ исторіи, признавши ихъ уже всѣ одинаково психическими, то мы на этотъ вопросъ лучше всего можемъ отвѣтить схемою Маркса и въ особенности этимъ его удивительно удачнымъ выраженіемъ: *надстройка*.

Человѣческой духъ, по своей природѣ самостоятельный и активный, какъ бы подавленъ или пригнетенъ своими низшими животными потребностями; если человѣкъ не имѣетъ пищи или питья, одежды или жилища, то его психика получаетъ жалкій видъ, — она вся захватывается неустранимыми и все разрастающимися ощущеніями голода или жажды, страданія отъ холода, или отъ жара, или отъ иныхъ физическихъ невзгодъ, а вся ея активность сосредоточивается на одномъ стремленіи—во что бы то ни стало устранить эти тягостныя ощущенія. И даже когда неудовлетворенность этихъ насущныхъ потребностей имѣется вовсе не въ крайнихъ степеняхъ, а только въ формѣ извѣстнаго недостатка, неполнаго удовлетворенія, то и тогда давленіе этого факта на психику оказывается все-таки весьма значительнымъ. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ или „голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ“ — вотъ какъ характеризуютъ это состояніе народныя пословицы. При

такомъ состояніи высшія стороны и потребности духа не имѣютъ возможности проявиться и развернуться,—наличной психикѣ впору справляться съ поддержаніемъ чисто животнаго существованія. Для того, чтобы могли развернуться высшія стороны духа, необходима извѣстная степень удовлетворенія низшихъ потребностей и извѣстный досугъ отъ дѣятельности по непосредственному ихъ удовлетворенію, и, сверхъ того, необходимо, чтобы и это удовлетвореніе, и этотъ досугъ получили характеръ совершенно правильнаго, а не эпорадическаго явленія, чтобы удовлетвореніе и досугъ были надежно обезпечены и давали въ этомъ отношеніи психикѣ полную увѣренность и спокойствіе.

Ни одинъ животный видъ на землѣ не достигъ этого состоянія достаточнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченаго, правильнаго и спокойнаго удовлетворенія своихъ настоятельныхъ, насущныхъ потребностей. Только одинъ человѣкъ — homo sapiens — если и не достигъ еще въ этомъ отношеніи всего, чего можно желать, то все же сталъ на вѣрную дорогу къ достиженію желаемаго. И это потому, что въ своемъ стремленіи къ удовлетворенію своихъ потребностей, въ своей *экономикѣ*, онъ сталъ на новую дорогу — общественнаго сотрудничества, коопераціи. Человѣкъ, можетъ быть, уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ человѣкомъ, удовлетворяетъ свои жизненныя потребности не въ одиночку, а сообща, группами, общественнымъ производствомъ и общественнымъ потребленіемъ. Если политическая экономія и говоритъ о *частныхъ* и *общественныхъ* хозяйствахъ, то это только въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ, а въ сущности всякое человѣческое хозяйство—общественно, и только степень его общности или обобществленія бываетъ различна. И вотъ, „общественность“ человѣческаго хозяйства повела къ двумъ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, она усилила производительность человѣческаго труда до такихъ размѣ-

ровъ, о какихъ труду одиночному невозможно было бы и мечтать. Большая производительность труда дала такую массу продуктовъ, которая уже въ гораздо большей степени стала обеспечивать человѣческія потребности. Въ области экономики, со временъ Адама Смита, мы уже говоримъ о „богатствѣ“ народовъ, и это совершенно справедливо, потому что въ распоряженіи человѣчества имѣются громадныя запасы экономическихъ благъ и производительныхъ средствъ. Въ будущемъ это богатство должно еще сильнѣйшимъ образомъ возрасти, и въ связи съ этимъ передъ человѣчествомъ на мѣсто проблемы накопленія богатствъ все съ большей и большей силой выдвигается проблема справедливаго ихъ распредѣленія. Уже и теперь наиболѣе богатая часть человѣчества могли бы сказать: производство наше колоссально, и мы можемъ теперь нѣсколько отодвинуть въ сторону тѣ стимулы, которые ведутъ къ его увеличенію, и ослабить тѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ и воспитываютъ эти стимулы; пора уже выдвинуть ближе къ авансценѣ тѣ стимулы, которые ведутъ къ болѣе справедливому распредѣленію и перестроить учрежденія такъ, чтобы они болѣе благопріятствовали и содѣйствовали этимъ стимуламъ. Не будь человѣчество еще въ такой большой степени во власти своего неразумія, и эта очередная задача болѣе справедливаго распредѣленія двигалась бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе къ своему надлежащему и благополучному разрѣшенію.

Вторымъ громаднымъ послѣдствіемъ „общественности“ человѣческаго хозяйства было образованіе государства и права въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и съ ихъ нынѣшнимъ содержаніемъ. Разъ производство какой-либо человѣческой группы въ силу своей „общественности“ становилось успѣшнѣе, разъ во владѣніи этой группы начинало накапливаться „богатство“, то этой группѣ надо было позаботиться и объ охранѣ своего